

МЫ ПРОСТО ДЕЛАЛИ СВОЮ РАБОТУ

*«Терроризм – страшная болезнь, бороться с которой нужно всем», –
уверен герой нашего интервью, ветеран Управления «А»
Центра специального назначения ФСБ России Сергей Неразников ⇒*

ТЕКСТ

Наталия Бестужева

ФОТО

из личного архива С. Неразникова

– Сергей Викторович, расскажите о себе. Почему решили поступать в пограничное училище?

– Ответить несложно. Здесь учились мой отец, дядька, мама работала в финансовой части. Да и жили мы буквально через забор от училища. Так что другого пути не искал. Все дети ездили в пионерские лагеря летом, а я к дядьке на погранзаставу. Надышался этим воздухом, службой вдохновился. И очень хотел стать одним из.

– То есть на страже страны вы ощущали себя, можно сказать, с рождения...

– Да, лозунг «Границу охраняет весь народ» был моим с детства. Играл в Карацупу, любимые фильмы – про границу. Даже засыпал не под колыбельную, а под оркестр. Раньше парад был и на ноябрьские праздники, и на 9 мая – готовились за несколько месяцев. Оркестр играл, а меня днём спать укладывали. Родственники удивлялись: «Как он под этот военный оркестр спит?», а я с удовольствием это делал.

– Чем запомнилось обучение в пограничном учебном центре ФСБ в Ярославской области?

– На его базе после вступительных экзаменов мы курс молодого бойца проходили. А летом и зимой, раз в два месяца, – выездные занятия: тактика пограничных войск, огневая подготовка, вождение техники.

Я там впервые увидел ребят из «Альфы». Для меня они были как боги. Многие – выпускники на-

шего училища. Наверное, уже курсе на третьем загорелся идеей туда поступить. В легендарную «А».

Дома рассказал отцу. Надо сказать, что в его послужном списке – и отдельный контрольно-пропускной (пограничный) пункт Шереметьево, и 5-е управление КГБ СССР.

Так вот, принёс он мне как-то книжку про «Альфу». Тогда только первые вышли, полухудожественные. Почитал я и принял решение.

В тот год представители из «Альфы» приехали в училище отбирать претендентов. Вместе с другими кандидатами меня отправили на психологическую проверку. Тесты, медицина усиленная. С конца третьего и весь четвёртый курс – серьёзные отборочные испытания. Кто-то, естественно, отсеивался. Я прошёл. Так попал в «А».

– Интересно, в наше время методика отбора изменилась?

– Всё гораздо жёстче.

– Кто-то из преподавателей запомнился больше других?

– Зражевский Виктор Юрьевич, начальник кафедры физподготовки. Человек-мотор. Пример для подражания. До сих пор общаемся. Да и в целом преподавательский коллектив был мощный, сильный. Все с опытом. У многих это Афганистан.

Один из наставников – Дяченко Сергей Владимирович – на руководящей должности в Федеральной службе охраны.

①

②

С кем учились тоже иногда встречаемся, поддерживаем контакты. Самый героический среди нас – Артемьев Алексей Геннадиевич, командир нашего отделения, золотой медалист, Герой России, человек-легенда в «Альфе». Хотя мы ровесники, но он как старший товарищ. Мастер спорта по лыжам, меня подтягивал, в том числе и в кроссовой подготовке. Когда лыжные нормативы сдавали, всегда на себе по несколько автоматов тащил. Это некоторые ребята из южных республик как только отъезжали со старта, сразу ломали лыжи и шли пешком. Вот он и помогал.

Сейчас во главе одного из подразделений Роснефти в регионе.

– **Расскажите, как служилось в специальном подразделении?**

– Ну как... Мне и в отпуск-то не хотелось. Служба была в радость, так как я всю жизнь в спорте, а там спорт – основное занятие. Плюс стрельба, тактические учения, занятия по наружному и контр-наблюдению, минно-взрывная подготовка – мечта любого советского юноши, потому что как в кино.

Приезжал туда даже в выходные: хорошие спортзал, тир. Дополнительные занятия – пожалуйста. Если инструкторы видели, что ты заинтересован, делали всё возможное. Никакого дефицита с патронами, с оружием.

А бывали ведь и времена, когда патроны, экипировку приходилось покупать самим. Выдавали только автомат, четыре магазина и какие-то спец-

средства, оставшиеся ещё с советских времён, всякие бесшумные средства. Машины тоже заправляли за свои деньги.

Но, наверное, какие-то точечные вещи, например, тепловизионный прицел, до сих пор приобретаются самостоятельно. В том числе и мы помогаем: закупает действующему подразделению то, в чём есть необходимость.

– **Техническое оснащение нам ещё надо подтягивать?**

– В рядовых подразделениях. В специальных с приходом Владимира Владимировича ситуация коренным образом изменилась. Колоссальный был сдвиг: предоставлялось всё по максимуму, выделялись средства на спецтехнику. Сейчас в центре спецназначения – парк на базе КАМАЗа. Его создавал генерал-полковник Тихонов Александр Евгеньевич. После службы в КГБ СССР, в конце 1990-х, был назначен начальником ЦСН ФСБ России. Руководил операцией по освобождению гостиницы в посёлке Лазаревское, входил в оперативный штаб по ликвидации террористов во время теракта на Дубровке. Герой России, получил «Золотую Звезду» за «Норд-Ост». В сентябре этого года уволился по достижению предельного возраста, но и в 70 остаётся в потрясающей физической форме.

– **Боевое крещение вы получили в Будённовске в 1995-м...**

– Поднялись по боевой тревоге. В Чкаловском погрузились в самолёты. Поначалу была информа-

НЕРАЗНИКОВ СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ

Президент и один из основателей Группы предприятий безопасности «Альфа-Легион»

Окончил Московское военное пограничное командное училище им. Моссовета (1994)

С 1994 г. служил в Управлении «А» Центра специального назначения ФСБ России

Принимал участие в освобождении заложников в Будённовске (1995), на Васильевском спуске (1995), в «Норд-Осте» (2002)

Прошёл обе чеченские кампании

В 2004 г. перешёл в дежурную службу Центра специального назначения ФСБ России

Вышел в запас в 2010 г.

Награды: орден Мужества, орден «За военные заслуги», медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» I степени, медаль «За отвагу», орден «Ветеранская Слава» I степени

ция, что захвачен город. Уже в Будённовске сообщили, что люди согнаны в больницу, убиты сотрудники РОВД, началось противостояние. Нас разместили в детском интернате. Периодически группами проводили доразведку местности, смотрели варианты штурма.

— Можно ли было его избежать и сохранить жизнь заложников?

— Недавно вышла книга нашего ветерана Алексея Алексеевича Филатова про Будённовск, в которой он провёл независимое журналистское расследование: взял интервью у Степашина, нашёл террориста, который там был, представителя РУБОП по Ставропольскому краю, участвовавшего в переговорах...

Согласно книге, была возможность отказаться от штурма.

Этот сотрудник из РУБОП рассказал, как пригласил на переговоры родственников террористов, и что большинство басаевцев готовы были сдать. За исключением самого Басаева и ещё нескольких отъявленных боевиков, которых следовало уничтожить. Это такая полуавторская версия, но вариант, наверное, существовал.

Однако, что было — то было. Мы пережили одну из самых страшных трагедий того времени. Столько жертв, в том числе и с нашей стороны: трое погибших, семнадцать раненых. Алексей Артемьев, с кем я служил, получил первое тяжёлое ранение именно там. В тяжелейшем состоянии находился, массу операций перенёс. Один глаз так и не видит, повреждена челюсть, без слухового аппарата никак. Но тем не менее... Ездит на мотоцикле, гоняет на лыжах. Вот такой пенсионер.

— Вы прошли две чеченские войны. Что помогло преодолеть нелёгкие испытания: любовь, вера, а может быть, непонимание?

— Любовь, вера, так и есть. Но и непонимание, особенно в первую войну. Во вторую уже повзрослел, стал задумываться. А в начале: сказали надо — вперёд. Много абсурда было, неподготовленных людей, либерализма, в том числе и в юридических аспектах. Например, захват террористов, задержание — всё с понятными. Я из первой войны вообще ничего не понял, только то, что мы были вместе, работали одним большим мужским коллективом. Старался даже не задумываться, потому что можно сойти с ума.

Во вторую чеченскую совсем по-другому: это была контртеррористическая операция. Планирование серьёзнейшее, с привлечением Главного

③

Водолазные сборы

Высотная подготовка

Командировка в Чеченскую Республику. 2000 год

① С сослуживцами
(В. Блинов
второй слева)

разведывательного управления, внутренних войск. Операции разрабатывались как после завершения Великой Отечественной войны, когда громили бандеровские бандформирования.

– Встречаясь с ранеными, участниками спецоперации на Донбассе и в Луганске, понимаешь, что они опять хотят вернуться на поле боя. У вас после первой чеченской было такое?

– Наше подразделение всё же не солдатское, а офицерское. Мы в принципе психологически спокойны. Поставлена задача – поехали выполнили, нет задачи – тренируемся.

Во второй чеченской войне смотрел на солдат, и ощущение не обманывало: многие были психологически искалечены. После демобилизации с ними, к сожалению, не работали ни психологи, ни общественные организации, которые могли помочь адаптироваться к обычной жизни.

Есть солдаты удачи. Один из таких людей в «Альфе» – Блинов Виктор Иванович. Участвовал в штурме дворца Амина. В Будённовске ранение получил. Орден боевого Красного Знамени за Афганистан. Человек-война. Уже на пенсии приходил в действующее подразделение заниматься в спортзале, стрелять с боевыми отделами. В 66 лет записался в частную военную кампанию и поехал в Сирию. Там погиб. Так и не смог найти себя в гражданской жизни. К сожалению, многие так.

– Сложно ли было лично вам адаптироваться к гражданской жизни?

– Сложно. На службе отношения между людьми честнее и спокойнее, а на гражданке гораздо больше несправедливости. Думаю, это и ранит тех, кто

уходит с военной службы. Всё по-другому: никто твоих заслуг не помнит, не знает, да и никому это и не надо. Только удивятся, что ты служил. И всё. После ухода с военной службы жизнь начинается заново, с нуля.

– Ещё одна трагедия – «Норд-Ост»...

– В этом году 26 октября 20 лет. НТВ снимает фильм: ветеранов «Альфы», «Вымпела», «Витязя» потихонечку приглашают. Я тоже давал интервью. Прощёлся по театральному центру «Меридиан» – где тренировались перед тем, как поехать на Дубровку. Воспоминания нахлынули. Мы просто делали свою работу.

– Всё-таки в то время вы были больше как солдаты, разве не так?

– Нет, к счастью. Учитывалось мнение каждого сотрудника, и потом рождался план. Действия все без исключения отработывались: варианты штурма, варианты проникновения, как открыть те или иные двери, куда лучше зайти. Мы в «Меридиане» несколько дней практически круглосуточно тренировались. Спали по полтора-два часа...

На пять утра назначен был штурм. Знали с вечера. Позвонил домой, чтобы как-то успокоить супругу. Позвал сына к телефону, ему шесть лет тогда было. В жизни всякое случается, но последний разговор запоминается. Думал, сейчас скажу, мол, давай, сын, держись, мать поддержи. А он: «Слушай, папа, мне тут некогда, я сейчас в PlayStation играю, ну давай, раз всё нормально, я пошёл», – и трубку положил. Так ничего ему и не сказал. Вот такой курьёзный момент.

Моя группа заходила через подвал. Имели средства по открытию дверей. По информации в конце

длинного коридора была баррикада, где могли находиться террористы. Мы её из бесшумного оружия обстреляли, чтобы вызвать какое-то противодействие — ответный огонь. Тишина.

Зашли в зал. Шахидки уже были уничтожены. Вот-вот должна начаться эвакуация. Когда открыли двери, люди-заложники сами вставали и выходили. Кто не мог, тех выносили. Каждый из нас человек по 10–15 заложников точно вынес. Физически очень устал, как и остальные, наверное.

— Все варианты освобождения, надо полагать, были не очень хорошие...

— Думаю, это лучший план из того, что было возможно. Один из вариантов — ворваться на бронетранспортёре через центральный вход, пробить витражи, заехать в зал и начать уничтожать террористов. Мне кажется, что это посложнее, и непонятно, чем могло закончиться.

Был ещё вариант штурма: через чердачные помещения проникнуть в техническую зону сцены, где всякие подъёмные механизмы, лебёдки и прочие удобные для нас вещи. Крыша свободная. Но его озвучили по телевидению. Тут же люки заминировали. Мы знали, что внутри взрывных устройств хватит, чтобы два раза сложить весь этот центр вместе с нами, заложниками и террористами. Так бы и произошло, если бы боевиков не нейтрализовали.

Понимаю, что никто из наших сотрудников не шёл туда, чтобы погибнуть. Все шли выполнить задачу: освободить заложников, задержать либо уничтожить террористов.

Единственное, может, где-то чуть-чуть не доработали или перестраховались, так скажу. Гибель столь-

ких заложников была трагедией. После штурма мы передавали людей врачам в уверенности, что большинство просто без сознания.

Помню, девушку вынёс, посадил, а та, которую раньше принесли, пришла в себя и спрашивала: «Дяденька, а стрелять ещё будут?» Она даже не понимала, что произошло.

Когда приехал домой, плакал. Из больниц приходили данные о погибших.

«Норд-Ост» — опыт, урок и нам, и обществу, чтобы понять: терроризм — болезнь, это страшно, с ним надо бороться и бороться всем.

Как «границу охраняет весь народ», бдительными надо быть, граждански ответственными.

— Какие советы можете дать тем, кто только начинает службу в спецподразделениях?

— Честно выполнять свой воинский долг. Любить Родину. Дорожить семьёй, друзьями, сослуживцами.

— С 2010 года вы руководитель Группы предприятий безопасности (ГПБ) «Альфа-Легион». Почему решили заняться этой деятельностью?

— Чем ещё военный человек может заниматься... У нас охранные функции были и когда служили в Альфе: обеспечивали безопасность высших лиц государства в регионах со сложной оперативной обстановкой. Я работал с Черномырдиным, Ельциным, Путиным, с иностранными делегациями. Довелось и с Ахматов-Хаджи Кадыровым. В 2000 году по заданию ФСБ и Министерства обороны была выделена группа от «Альфы» для обеспечения безопасности, взаимодействия с его охраной. Мы

② После штурма «Норд-Оста»

координировали и выстраивали систему, подбирали людей, обучали их.

Позже открыли охранное предприятие. Начинали практически с нуля. Сами делали ремонт, покупали краску, оформляли лицензии. Двигались потихонечку, развивались. Сегодня у нас уже шесть ЧОПов, в том числе в Санкт-Петербурге, Пятигорске.

Принципы ГПБ «Альфа-Легион» за 17 лет остаются неизменными. Первый – оказывать только качественные услуги – охранные, детективные, аналитические, консалтинговые. Мы не берёмся за какие-то сомнительные дела, потому что ЧОПов много, и надо чем-то отличаться. Второй – всегда выплачивать заработную плату сотрудникам. За всё время ни один человек в нашей организации не может пожаловаться, что не получил свои деньги. Поэтому и люди к нам идут, и с кадрами никакого дефицита. Помогало сарафанное радио, отзывы были хорошие.

К сожалению, в нашей отрасли ещё немало организаций, которые своей деятельностью не в лучшую сторону формируют отношение к ЧОПам. Я вхожу в некоторые координационные советы различных министерств и ведомств по улучшению деятельности охранных предприятий. План развития есть – как нашего предприятия, так и отрасли в целом.

– **Какие направления деятельности развиваете?**

– В Москве работаем со всеми департаментами правительства Москвы. Нас знают по ВДНХ, где уже шесть лет оказываем охранные услуги и накопили достаточно большой опыт. Участвуем во многих мероприятиях, проводимых Администрацией Президента РФ, «Единой Россией».

В связи с пандемией два года назад пришли к мнению, что будущее всё-таки за техническими средствами. Развиваем направление пультовой охраны. У нас 13 групп быстрого реагирования по Москве, свой ситуационный центр, куда приходят тревожные сигналы, системы видеонаблюдения, контроля доступа. Не забываем и про личную охрану. Есть отдельное подразделение, которое в этом направлении развивается более углублённо.

– **Вы упомянули пандемию коронавируса. повлияла ли она на вашу деятельность?**

– Ну, если скажу, что многие сотрудники болели, что были отменены массовые мероприятия, на которых мы традиционно работали, то, пожалуй, никого не удивлю.

Однако пандемия дала и некий стимул к развитию. Именно в этот период мы начали активно развивать пультовую охрану. Довольно долго к ней до этого подбирались, а тут быстро включились. К сожалению, из-за санкций процесс снова замедлился, что связано с оборудованием – техника-то импортная. Выстраиваем новые связи – через Белоруссию, Китай, Казахстан... Привыкаешь в одном направлении работать, но, оказывается, есть и другие варианты – ничем не хуже, а может быть, и лучше, и дешевле.

– **С учётом вашей успешности в общественных проектах, как строите сотрудничество с организациями некоммерческого характера?**

– Входим в состав Международной Ассоциации ветеранов подразделения антитеррора «Альфа».

Мэр Москвы
Ю. Лужков
вручает награду
за операцию
на Васильевском
спуске. 1995 год

Руководители
Группы
предприятий
безопасности
«Альфа-Легион»

Там сложился коллектив целеустремленных людей, которые оказывают помощь раненым бойцам спецподразделения, семьям погибших сотрудников, действующему подразделению.

Работаем с фондом Оксаны Фёдоровой: помогаем детям с тяжёлыми заболеваниями и инвалидностью. Под нашим патронажем несколько детских спортивных клубов.

– Взаимодействуете ли с Церковью?

– Если, как принято говорить, на постоянной основе, то нет. Но, вот, к примеру, побывали в Муромово с ребятами из «Альфы». Спонтанно возникла идея сделать купель побольше и чтобы соответствовала времени. Скинулись – построили. Периодически туда езжу, окунаюсь, захожу в часовню.

Сам я православный, дорогу к храму хорошо знаю. Но тот, кто служил в спецподразделениях, как правило, ловит себя на мысли, что вроде как некогда ходить в церковь. В нашем подразделении были и глубоко религиозные люди. Например, замначальника отдела, к сожалению, умер уже, Луценко Олег Владимирович. Знаток военной истории, один из основателей «Витязя». Поговорить любил и говорил красиво, и пел, и на гитаре играл. В Чечне, когда мы ехали куда-нибудь на захват, он нас построит, прочитает молитву. Когда иконку целовали, я не видел ни одного, кто бы отказался. Потому что в таких стрессовых ситуациях, верующий ты или нет, к Господу всегда обращаешься.

Многие после участия в боевых действиях принимают решение приобщиться к Церкви. У нас, например, один из ветеранов вообще принял постриг и ушёл в монахи.

– Если бы вас спросили: Сергей Викторович, какой вы человек? Что ответите?

– Стараюсь жить по Божьим законам. С обострённым чувством справедливости. Очень требователен к себе, соответственно, требователен к окружающим и близким. Поэтому со мной тяжело.

Не пью, не курю, стараюсь заниматься спортом и идти по жизни честно. Мой лозунг: «Лучше быть, чем казаться». Потому что можно и в церковь ходить, не веря в Бога. И помощь оказывать на три копейки, а везде фотографироваться, рассказывать, какой ты щедрый. Считаю, ни к чему это. Быть полезным обществу, вот что важно. Оставить какой-то след. И чтобы не стыдно было.

– Добро не должно быть показным?

– Совершенно верно. Помогать нужно тихо, спокойно, без пафоса.

– Что для вас мужская работа?

– Всё, чем я занимался в жизни, – всё это мужская работа. А если кратко... Служить Отечеству. Воспитать детей. Построить дом. Посадить дерево.